Они оба повернулись, чтобы посмотреть на звонящий телефон. Гермиона обнаружила, что обездвижена от ужаса, и, к ее облегчению, Гарри, почувствовав ее нежелание, протянул руку и вызвал телефон, нажал кнопку и поднес его к ее уху.

— Хел… Алло? она задохнулась. «Мама? Мама! Ты жива!» она закричала. — Что случилось? Где ты? Папа тоже в порядке? Гермиона поймала себя на том, что смеется и плачет одновременно от переполнявших ее эмоций. Она почувствовала, как Гарри, который все еще был позади нее, сжал руки вокруг ее талии, поскольку он также отреагировал на внезапный поворот событий.

"Гермиона! Мы в порядке!" Эмма кричала ей в ухо. «Ты меня слышишь? Мы в порядке. Мы благополучно выбрались. Мы использовали цветочный горшок Гарри».

— Да, мама. Я тебя слышу, — заверила ее Гермиона, беря себя в руки. «Теперь я успокоился».

«Мы понятия не имеем, где находимся», — продолжила Эмма. «Мы находимся в каком-то доме, но там совершенно темно. Комната, в которой мы находимся, кажется кухней, но техника очень старая, и мы не знаем, как с ней обращаться. выключатели света».

Гермиона громко рассмеялась, чувствуя облегчение. «Все в порядке, мама, я знаю, где ты. Это один из домов, которыми владеет Гарри. Мы сейчас приедем.

"Хорошо." Голос Эммы звучал подозрительно. «Это определенно мрачное старое место».

Гермиона весело фыркнула из-за непреднамеренного каламбура матери. «Конечно, это так. Увидимся через минуту». Она отключила телефон и прижалась спиной к Гарри, когда он с облегчением сжал ее, затем повернулась лицом к нему и обняла его в ответ.

— Они выбрались с вашим портключом, — радостно сообщила она. «О, Гарри, большое спасибо. Это была такая хорошая идея. Но мы должны пойти за ними». Она отстранилась и выжидающе посмотрела на него, готовясь аппарировать.

— Э-э, Гермиона, — с ухмылкой заметил Гарри. — Ты не думаешь, что мы должны сначала одеться?

Глаза Гермионы расширились, когда она поняла, что они оба все еще носят только набедренные повязки, которые были подарком Гарри на день рождения, и покраснела. "О. Я полагаю, вы правы."

Дэн и Эмма подпрыгнули, когда двое подростков внезапно появились с ними на кухне с парой мягких хлопков. Они поспешно оделись и схватили мантии, прежде чем покинуть квартиру в

Кембридже. Гарри указал на свет, и в комнате стало светло, когда Гермиона обняла родителей, пытаясь обнять их обоих одновременно. После эмоционального воссоединения трое Грейнджеров наконец уселись за стол, пока Гарри готовил им чай, а взрослые рассказывали свою историю.

«Мы были одни в клинике, в нашем кабинете, когда услышали и ощутили этот невероятный взрыв. Стены кабинета засветились ярким золотым светом и начали трястись. Как только мы сообразили, что происходит, Дэн схватил цветочный горшок. что мы держим на его столе, пока мы на работе, а затем схватил меня за руку и заставил меня держать ее тоже.Как только свечение на стенах начало мерцать, он выкрикнул имя Гарри, и мы почувствовали это странное чувство в наших животах и следующее мы знали, что мы здесь».

— Имя Гарри? — в замешательстве спросила Гермиона, повернувшись к Гарри и увидев смущенное выражение на его лице.

— Словом активации портключа было «Поттер», — пробормотал Гарри.

Глаза Гермионы загорелись весельем. — Ты сделал портключ для цветочного горшка, используя слово «Поттер» в качестве слова активации? она хихикнула.

Гарри ожидал такой реакции, поскольку она была практически такой же, как у ее матери, когда он впервые сделал портключ для Грейнджеров. Однако ему удалось сделать обиженный вид. «Смейся, пушистый комочек», — прорычал он в своей лучшей имитации Хана Соло. Глаза Гермионы расширились от очевидного оскорбления, затем она разразилась смехом и захлопала в ладоши от восторга, придумывая отсылку к фильму. Потом она вспомнила, что ударила его за то, что он посмеялся над ее волосами.

Поддразнивание между парой благотворно повлияло на настроение в комнате, и взрослые смогли лучше восстановить самообладание после того, как чуть не столкнулись со смертью. После небольшого количества шуток все были готовы разобраться в ситуации.

Все они быстро согласились, что взрыв был попыткой убить Грейнджеров, чтобы деморализовать Гарри. Дэн и Эмма еще раз поблагодарили подростков за то, что они установили защитные чары, которые продержались достаточно долго, чтобы активировать портключ. Дэн предположил, что они пошли за клиникой, а не за домом, потому что ее было легче найти и легче добраться (будет трудно припарковать пустой грузовик прямо рядом с их домом, особенно с учетом безопасности их богатого закрытого поселка). . Кроме того, он сделал более заметное заявление. Однако все они также мрачно согласились, что дом Грейнджеров был логичной следующей целью.

"Гермиона!" — вдруг закричала Эмма. «У тебя есть эта штука с путешествиями во времени! Ты можешь вернуться и остановить их!» Сердце Гермионы снова разорвалось, когда она увидела умоляющий взгляд мамы, и она едва смогла отказать ей. Гарри подошел к ней сзади и сжал ее плечи, чтобы поддержать, а Дэн сделал то же самое для Эммы.

— О, мам, мне очень жаль, но мы не можем этого сделать, — печально объяснила Гермиона. «Невозможно вернуться назад и изменить то, что, как мы уже знаем, произошло. Если бы мы это сделали, то не было бы причин возвращаться назад. Это поставило бы нас в парадокс». Немного подумав, Дэн и Эмма поняли, и Эмма с грустью уступила. Гермиона обняла ее извиняющимся тоном, пока Гарри продолжал объяснять. Обе Грейнджеры были удивлены последствиями запуска парадокса путешествия во времени, и Гермиона могла сказать, что они нервничали из-за потенциальной опасности, которой студенты подвергались каждый раз, когда использовали устройство. Она заверила их, что они относятся к этому очень ответственно и стараются даже не находиться рядом с теми местами, где они уже были.

Гарри вернул разговор к самому нападению, удивляясь, как они оказались в клинике одни.

«Ну, на самом деле, это было очень странно», — ответила Эмма. «Ни один из наших пациентов в 11:30 не появился. Бренда Джейкоб должна была привести своего сына Эндрю на две пломбы, а Кэрол Митчелл была назначена на осмотр для своего внука Брэндона. Мы подошли внезапно. Поэтому мы сказали нашим помощницам, Мэри и Стефани, пораньше пообедать. В любом случае наша секретарша Аманда обычно уходит на обеденный перерыв примерно в это время».

Затем Дэн продолжил рассказ, не замечая задумчивых взглядов, которыми обменялись Гарри и Гермиона. «Поэтому мы удалились в офис, чтобы наверстать упущенное в работе с бумагами. Это тоже было хорошо, потому что именно там вы применяли самые сильные из тех защитных заклинаний, которые вы использовали, и там был цветочный горшок. Взрыв сотряс здание и Стены держались достаточно долго, чтобы я мог схватить горшок и Эмму. Крыша начала рушиться, как только мы сбежали».

— Мы не можем остановить бомбардировку, но, судя по тому, что вы сказали, мы можем кое-что сделать, — сообщил Гарри, когда Гермиона кивнула. Я думаю, вполне вероятно, что мы окажемся причиной того, что эти пациенты в 11:30 отказались от лечения. Мы также можем посмотреть, кто заложил бомбу, и попытаться выяснить, кто это сделал».

«Поскольку наше минимальное время составляет шесть часов, я думаю, мы подождем до 4:00 сегодняшнего дня, а затем вернемся к 10:00», — решила Гермиона. — А пока нам нужно придумать, что делать с вами двумя.

«Как насчет пляжного домика в Брайтоне?» — предложил Гарри. Грейнджеры согласились с этим, и вчетвером они уселись, чтобы проработать логистику. Часть проблемы заключалась в том, что, насколько знали остальные их знакомые, Гарри и Гермиона на той неделе были в Хогвартсе. Они вызвали Хедвиг и передали ей одну из самых необычных доставок, которые она когда-либо делала. Гермиона продиктовала записку, пока Эмма писала.

Гермиона – В клинике произошло нападение, но МЫ В НОМЕ! Мы благополучно выбрались, так что не волнуйтесь. Если вы сможете уйти, мы в доме мистера Люпина.

Хедвиг с любопытством посмотрела на Гарри, когда Гарри сказал ей отнести записку Гермионе в Хогвартс, в то время как Гермиона стояла рядом с ним. Но она прогудела несколько раз, а затем убежала, надеясь, что ее хозяин знает, что делает. Грейнджеры также оставили записку Ремусу и Тонкс, сказав им, чтобы они не беспокоились, портключ доставил их в дом, но что Гермиона пришла за ними и отвела их в безопасное место.

Пока они ждали достаточное количество времени, пока Хедвиг доберется до Гермионы в Хогвартсе, двое студентов отправились в дом Грейнджеров, чтобы проверить это. Они обнаружили, что все в порядке, но решили, что возвращаться Грейнджерам слишком опасно. Они выбрали ассортимент одежды и других предметов первой необходимости и решили, что могут пригласить Добби и забрать любые другие вещи, которые Дэн и Эмма сочтут нужными.

Позже тем же днем все четверо прибыли в пляжный домик на Брайтоне. К этому времени Дэн и Эмма оправились от шока от нападения и поняли, как им повезло. Когда они оглядели яркий уютный коттедж, им понравилось. Вместе они поклялись, что жизнь и борьба, в которых оказались их дети, бросали им вызов, они сделают все, что в их силах. Им был дан второй шанс в жизни, и они собирались использовать его по максимуму.

В 3:00 Гарри и Гермиона аппарировали, вернулись в кембриджскую квартиру и собрали все, что, по их мнению, могло им понадобиться, включая доспехи из драконьей шкуры, шляпы-щиты и плащ-невидимку. В 4:00 они вернулись на шесть часов назад, избегая своих прежних «я», которые были внизу в сундуке Гермионы, а затем аппарировали в дом Грейнджер. По-прежнему не обнаружив никаких признаков того, что что-то не так, они отправились в стоматологическую клинику и устроились под мантией-невидимкой, наблюдая и ожидая.

Незадолго до 11:30 они наложили на Джейкобсов и Митчеллов бессловесные чары Конфундуса и Принуждения, обеспечив их отсутствие в клинике в критический момент. Потом что-то начало происходить.

В 11:40 двое мужчин подъехали на микроавтобусе и припарковались прямо перед клиникой, поправили кое-что в кузове и вышли. — Ты уверен, что это правильное место? — спросил первый. — Да, я уверен, — прорычал второй. «Этот человек платит нам достаточно, чтобы мы не совершали ошибок». Ни одному из подростков не нужно было напоминать другому, чтобы он хорошенько разглядел мужчин. Их задумчивые воспоминания об этой сцене могут помочь в их розыске. Они были одеты очень просто, в белые футболки и джинсы. Их головы были полностью выбриты. Они не были похожи на волшебников, так как не проявляли беспокойства или незнания своего маггловского окружения. Если они были волшебниками, то должны были быть магглорожденными. И магглорожденных Пожирателей Смерти не было. К тому времени, как они вышли из фургона,

После этого ожидание стало настоящей пыткой. Они были беспомощны, чтобы сделать что-нибудь, кроме как незаметно перенаправить любого пешехода, который проходил мимо. Они оба вздохнули с облегчением, когда Мэри, Стефани и Аманда вышли из парадной двери, направляясь на обед.

Через пятнадцать минут сердце Гермионы разорвалось, когда она увидела, как фургон

взорвался, разрушив весь фасад здания, а через несколько секунд с ужасающим грохотом остальная часть рухнула внутрь. Между их доспехами из драконьей шкуры и шляпами-щитами они были физически в безопасности в своей точке обзора через улицу, но эмоциональный ущерб был ужасен. У нее было так много приятных воспоминаний об играх в офисе в детстве, и она печалилась, думая о том, как усердно работали ее родители, чтобы создать свою практику, которая теперь исчезла в одно мгновение. Гарри обнял ее, когда слезы текли по ее лицу, и они оба вздрогнули, когда до них донесся слабый звук крика Эммы из ада, как раз перед тем, как он был прерван активацией портключа.

Гарри крепко обнимал ее и шептал ей на ухо любые утешительные слова, которые только мог придумать, пока они оставались скрытыми, пока рев сирен и мигающие огни танцевали на обломках стоматологической клиники. В конце концов ей удалось успокоиться, и они внимательно наблюдали и незаметно слушали разговоры инспекторов на месте происшествия. Наконец, они вернулись в свою квартиру, чтобы обсудить то, что они узнали, и свои возможные действия, ожидая до 3:00, чтобы вернуться в пляжный домик.

Каждый из них забрал свои воспоминания об этом событии и сохранил их в двух пузырьках, а затем наблюдал за ними в мыследуме. Они подтвердили свой прежний вывод, что люди в фургоне не были волшебниками. Подойдя к ним вплотную в памяти, они обнаружили, что у каждого была татуировка на левом предплечье, но это были не Темные Метки. Это были свастики. В конце концов они пришли к выводу, что имеют дело с членами какой-то террористической группы сторонников превосходства белой расы.

Гермиона обнаружила, что их позиции поменялись местами, поскольку теперь она пыталась успокоить Гарри. Он знал, что эта атака, как и атака Уизли, была нацелена на него. Неслучайно это произошло в день его рождения. В конце концов, они пришли к соглашению о том, что делать, и он оставил Гермиону и направился в Гринготтс с таким сердитым выражением на лице, какое она когда-либо видела.

Со своей стороны, Гермиона вернулась в Брайтон, где ее родители изнашивали свои мобильные телефоны, систематически связываясь с различными властями, некоторыми коллегами и несколькими друзьями. (Она не забыла выключить свой, когда они отправились в прошлое, чтобы он не зазвонил снова сразу после полудня, пока они прятались за пределами стоматологической клиники Грейнджеров.) Дэн и Эмма решили рассказать своим ближайшим друзьям и коллегам, что они скрывались, опасаясь, что на них снова нападут, если террористы поймут, что они сбежали. Они заверили всех, что понятия не имеют, почему их преследуют. Им также удалось назначить безопасное время и место для встречи с инспекторами милиции, которые согласились с их планами исчезнуть из поля зрения.

Гарри вернулся в пляжный домик на Брайтоне через час с выражением мрачного удовлетворения на лице и обнаружил, что трое Грейнджеров устроились поудобнее на террасе для загара, а Дэн обнаружил мокрый бар. После того, как Гермиона вскочила с шезлонга, чтобы обнять и поцеловать его, а Дэн протянул ему напиток, он начал рассказывать свою историю, снимая с себя одежду.

У него не было особых проблем с тем, чтобы увидеться с Бладроком, и, напомнив ему о своем заявлении о том, что за разумную цену можно сделать все, что угодно, спросил его, сможет ли Гринготтс проследить за деньгами и выследить группу, устроившую взрыв. Блэдрок лишь немного поколебался, а затем со злобной улыбкой заверил его, что они посмотрят, на что способны, и Гарри передал ему воспоминания из Омута памяти. Затем Гарри задал более сложный вопрос: на чьей стороне был Гринготтс в этой войне?

Это заставило его вернуться в лабиринт офисов, который заканчивался самым богато украшенным дверным проемом, который он когда-либо видел, и он оказался в присутствии Рагнока, главы банка гоблинов. Там он был приятно удивлен, когда ему сказали, что они не желают, чтобы Волан-де-Морт захватил волшебный мир, был поражен, узнав, что они могут легко запечатать хранилища Пожирателей смерти и не позволить им войти, и был просто поражен, услышав, что Министерство никогда не просил об этом. И это произошло не из-за того, что Министерство не знало о такой возможности, поскольку гоблины давно сделали предложение министру Фаджу. Скорее это было из-за страха Фаджа перед сопротивлением со стороны чистокровных семей старой линии в Визенгамоте. Гарри полушутя велел Гермионе добавить в свой список дел «взять на себя Визенгамот».

Как только Гарри закончил рассказывать о своих отношениях с гоблинами, все четверо расслабились и стали смотреть на закат. Дэн предположил, что в коттедже можно использовать джакузи здесь, на террасе для загара, особенно потому, что по вечерам и ночью там прохладно. Гарри немедленно ответил, сказав Дэну и Эмме, что они должны выбрать один и заказать его, а затем списать его с его счета. Это, конечно же, привело к дружескому спору между Дэном и Гарри о том, кому из них будет позволено заплатить за это, в то время как Гермиона и Эмма обсуждали, какие функции он должен иметь и какого он должен быть цвета.

Несмотря на его возражения, Дэн и Эмма настояли на том, чтобы выполнить первоначальный план — пригласить Гарри на ужин в день его рождения. И после некоторой первоначальной неловкости троим Грейнджерам удалось помочь ему преодолеть чувство вины, и они все вместе наслаждались вечером. Прекрасная еда в пляжном ресторане навеяла воспоминания об ужинах, которые четверка делила на курорте, когда они отдыхали на Юкатане. Поздно вечером Гарри и Гермиона покинули ее родителей, заверивших их, что с ними все будет в порядке и что им понравился пляжный домик, и вернулись в свою квартиру в Кембридже.

Неделю спустя в новостях, похороненных на внутренних страницах лондонской «Таймс», будет объявлено, что все члены малоизвестной неонацистской группировки были найдены мертвыми на складе. Не было никаких указаний на то, кто несет ответственность. Но по сети подобных групп быстро распространилась молва о том, что определенного источника денег следует избегать любой ценой.

(Вторник, 29 июля, повтор)

Поскольку на самом деле этого еще не произошло, Гарри и Гермиона ничего не сказали Рону, Биллу и Флер о нападении на Грейнджеров, когда они встретились с остальными в Хогвартсе. Однажды в кабинете директора они услышали знакомый голос.

«Доброе утро, мои юные друзья», — прозвучало приветствие со стены портретов. Гермиона тут же подошла к Гарри и взяла его за руку. Это будет эмоциональная встреча.

— Хелл… Привет, директор, — выдавил Гарри. Гермиона сжала его руку, как для себя, так и для него, поскольку ей было трудно контролировать свои чувства. Должно быть, это помогло, потому что голос Гарри был более уверенным в его следующем заявлении. «Нам есть, что вам сказать, и у нас есть к вам несколько вопросов». Он с тревогой взглянул на МакГонагалл. Как вы вежливо попросили директрису покинуть свой кабинет?

Глаза портрета Дамблдора издали знакомый огонек, когда он усмехнулся. «Должен сказать, что я восхищаюсь тем, как хорошо вы следовали моим инструкциям о секретности. Но с тех пор я доверил профессору МакГонагалл свое доверие, и вы можете свободно говорить перед ней». Гермиону раздражало это заявление. Дамблдор излишне усложнил жизнь Гарри своими инструкциями, но он поделился информацией сначала со Снейпом, а теперь с МакГонагалл. Более того, его потребность держать всех, в том числе и Гарри, в неведении относительно своих маневров причиняла невыразимое горе ее жениху. Она с некоторым удовлетворением отметила, что Дамблдор на портрете удивился, заметив, как она хмуро смотрит на него.

Но это быстро прошло, когда он поздравил Гарри с тем, чего он уже добился, как только Гарри сообщил ему последние новости о хоркруксах. Затем Гарри объяснил, что Билл и Флер берут на себя проект Horcrux и что он, Гермиона и Рон хотят поговорить с МакГонагалл. МакГонагалл, которая с нетерпением ждала возможности, быстро согласилась, оставила молодоженов с портретом и отвела троих подростков в свой старый кабинет Трансфигурации.

«Хотя то, что я собираюсь сказать, в первую очередь адресовано мистеру Поттеру и мисс Грейнджер, часть этого касается и вас, мистер Уизли, поэтому я рада, что вы все трое смогли присутствовать, чтобы услышать это», — начала МакГонагалл. в своем обычном беззаботном тоне. — Проще говоря, я бы хотел, чтобы мистер Поттер и мисс Грейнджер заняли должности старост и старост в предстоящем учебном году. Я надеюсь убедить вас в том, что то, что вы двое на этих должностях, важно для Хогвартса и что это будет и в ваших интересах».

Гермиона бросила взгляд на Гарри. Как ни пыталась она сдержать свое волнение от того, что ее назвали старостой, она не могла скрыть радость на лице или контролировать свои ноги, которые упорно подпрыгивали вверх и вниз, как это делал Добби, когда ему позволяли помочь Гарри Поттеру с чем-то. Она видела, как уголки рта Гарри приподнялись, когда он наблюдал за ее реакцией. Как бы ей ни хотелось обнять его или сжать его руку, ей удалось сдержаться. Она также хотела обнять его за его собственную реакцию на новости.

Она очень хорошо знала, что более молодой, менее зрелый Гарри Поттер мог бы удивиться тому, что его сделали старостой, и возразить, что он недостоин этой чести. Он мог бы даже убедить директрису рассмотреть Рона на эту должность из-за какой-то ошибочной попытки предотвратить его ревность. (Гермиона знала, что у МакГонагалл нет ни малейшего шанса, что Рон будет рассматриваться, учитывая, насколько безответственно он относился к своим обязанностям старосты.)

Но Гарри сильно вырос за последний месяц/год и смог смириться с тем, что ему суждено считаться лидером. Теперь его реакцией на эту новость было признание для себя и счастье для Гермионы. Он ответил на ее взгляд, улыбаясь выражению ее лица, затем перевел взгляд на МакГонагалл, и она сделала то же самое. Они оба все еще хотели услышать доводы МакГонагалл, поскольку Гарри не обязательно был убежден, что возвращение в Хогвартс в этих ролях будет самым мудрым поступком. Гермиона согласилась взять его за руку, а Рон протянул руку и хлопнул его по плечу.

— Я хотел бы услышать, почему вы считаете, что это так важно для Хогвартса, и теперь, когда вы знаете о задаче, которая стоит перед нами, насколько это будет в наших интересах, — спокойно спросил Гарри.

— Мистер Поттер, мисс Грейнджер, — ответила МакГонагалл, и ее лицо немного смягчилось. «Я буду с вами предельно откровенен. Мне очень нужно, чтобы вы оба вернулись в Хогвартс осенью. Сможем мы открыться или нет, может зависеть от вашего решения». Двое студентов снова посмотрели друг на друга, на этот раз с некоторым беспокойством. Она была серьезной? Их обсуждения на эту тему были сосредоточены на том, какой образ действий лучше всего подходит для их миссии. МакГонагалл смело вставляла в разговор еще один аспект. Как присутствие двух студентов могло иметь такое большое значение? Прежде чем Гермиона успела озвучить этот вопрос вслух, МакГонагалл приступила к ответу.

— Мистер Поттер, нравится вам это или нет, но вы не только самый известный ученик в этой школе, но и один из самых уважаемых. Ваши действия за последние две недели подтвердили это как никогда. Ваше решение повлияет на половину семей наших студентов, когда они решат, отправлять ли своих детей обратно осенью. Мне действительно говорили об этом многие семьи Гриффиндора, а также немало семей Хаффлпаффа и Рейвенкло. Она сделала паузу, чтобы это дошло до меня, а затем добавила с улыбкой. «Даже два слизеринца».

Это вызвало реакцию пары студентов. Гермиона задумчиво кивнула, а Гарри опустил голову, смиренно качая ею. Затем МакГонагал обратилась к Гермионе. «Что касается вас, мисс Грейнджер, то теперь вы двое неразрывно связаны друг с другом как вашими собственными действиями, так и общественным мнением. Невозможно представить, чтобы он вернулся без вас, так что эту возможность можно не принимать во внимание. Если бы вы вернулись без него, я думаю, что ни один из вас не был бы удовлетворен таким положением. Значит, это должно быть вместе, так или иначе».

«Если вы не пойдете осенью, это будет воспринято всеми как недоверие к безопасности Хогвартса. И поверьте, это будет очень публичное решение. Все в стране узнают не позднее 2 сентября если тебя нет». Гарри застонал, но не смог оспорить ее утверждение.

«Теперь, — продолжила МакГонагалл, — что касается наилучшего плана действий для успеха вашей миссии, здесь также применимо мое предыдущее заявление. Если бы вы не присутствовали, все в стране узнали бы об этом. наши враги. Они наверняка задаются вопросом, что вы замышляете. И я уверен, что вы согласитесь, что держать их в неведении о том, что вы замышляете, очень важно. Даже если мистер Уизли и его новая жена займитесь поисками хоркруксов, им будет лучше сделать это тайно, если внимание врага будет направлено на Хогвартс». Гермиона еще раз взглянула на Гарри. То, что сказала МакГонагалл,

было довольно убедительно, и она видела, что он колеблется.

«Главная причина вашего невозвращения, которую я вижу, — возразила директриса, — состоит в том, что у вас не будет времени подготовиться, посещая занятия и выполняя другие свои обязанности. теперь убрал фактор времени из рассмотрения». Гермиона покраснела от неожиданного одобрения учителя, которого она больше всего уважала, когда МакГонагалл продолжила. «Остается только обеспечить вашу свободу передвижения. И я готов предоставить вам беспрецедентную свободу действий в этом отношении. При условии, что вы будете держать меня в курсе, вы сможете свободно покинуть замок, когда сочтете необходимым. Я уверен, что мисс Грейнджер, по крайней мере, знает о том, что у старосты и у старосты есть свои комнаты. Гарри' У него вскинулась голова от этого откровения, и он бросил взгляд на Гермиону, которая кивнула. «На самом деле, поскольку вы оба из одного дома, вы будете делить главный люкс Гриффиндора. Я могу добавить, что прошло двадцать лет с тех пор, как этот люкс был полностью занят, и это был последний раз, когда и староста, и староста были из Гриффиндора». Гарри задумчиво улыбнулся этому замечанию, поскольку она имела в виду его мать и отца.

Это звучало все лучше и лучше, подумала Гермиона. Они смогут использовать все ресурсы, которые предоставляет Хогвартс, обеспечивать необходимое лидерство для студентов, жить нормальной жизнью и уходить, когда это необходимо. Они могли даже взять недельный отпуск, если бы захотели, провести его вдали от замка в одном из своих секретных владений и вернуться, и никто даже не знал, что они ушли. Гермиона сжала руку Гарри, чтобы показать, что благосклонно относится к предложению директрисы, и получила одно в ответ.

МакГонагалл откашлялась, чтобы еще раз подчеркнуть. «Я должен напомнить вам, что в спальнях этого люкса есть чары уединения, похожие на те, что есть в общежитиях для мальчиков и девочек». Гермиона улыбнулась про себя. Другими словами, Гарри, возможно, не смог попасть в ее спальню, но ничто не мешало ей попасть в его спальню. Это решило вопрос, где они будут спать. Еще одно сжатие ее руки со стороны Гарри дало ей понять, что он думает о том же. Но МакГонагалл не закончила. «Но я могу заверить вас, что никто из персонала не удосужится проверить такие вещи, как то, как и где вы решите проводить свое время, находясь в уединении своего номера. Я полагаю, что могу доверять вам ответственность за ваши виды деятельности." Гермиона покраснела от этого заявления. и она была уверена, что видела, как дернулись губы МакГонагалл, когда она произнесла это. Ее интерпретация заключалась в том, что директриса только что сказала ей не беременеть. Она заверила ее, что они намерены вести себя ответственно, и Гарри быстро присоединился к ней. Хотя они обсудят это вместе, прежде чем принять окончательное решение, теперь казалось, что предложение МакГонагалл было явно лучшим вариантом.

Теперь МакГонагалл обратила внимание на Рона, о котором почти забыли во время предыдущих переговоров. «Мистер Уизли, конечно же, по-прежнему будет иметь статус старосты, что также дает ему большую свободу передвижения. Тем не менее, мне было интересно, не согласитесь ли вы добавить к своим обязанностям, заняв должность гриффиндорского квиддича». капитан этого года». Рон не смог ответить, так как его челюсть отвисла почти до груди. «Конечно, если вы думаете, что это будет слишком тяжелым бременем, я думаю, что смогу уговорить мисс Уизли согласиться».

По крайней мере, к Рону вернулась способность двигаться, поскольку теперь он качал головой.

Гермиона широко улыбнулась подруге, а Гарри улыбался от уха до уха. Наконец Рону удалось заговорить. «Нет… то есть да… то есть да, я сделаю это, и нет, тебе не нужно спрашивать Джинни». Гарри прервал все, что хотел добавить, пожав ему руку и хлопнув по спине, а Гермиона заключила его в объятия. Никто из них не заметил, как МакГонагалл тайком вытерла слезу с глаз.

Когда они снова встретились с Биллом и Флер, они поздравили и обняли новых старосту, старосту и капитана по квиддичу. Хотя Гарри предупредил, что нет уверенности в том, что они примут эти должности, Билл указал, что это все равно большая честь. МакГонагалл дала согласие на предполагаемые мероприятия на предстоящую неделю, и они приступили к проработке деталей. Они посетили главные апартаменты Гриффиндора, которые располагались в Гриффиндорской башне рядом с общей комнатой, и Билл показал им все вокруг, так как он сам проживал в этих апартаментах около десяти лет назад. Они решили сделать Гриффиндорскую башню своей оперативной базой. Билл и Флер оставались в комнате старосты (Флер не стала спрашивать, разрешено ли ей, она просто переехала), а Гермиона заняла комнату старосты.

Поскольку Биллу не терпелось приступить к делу, после обеда они направились на второй этаж в ванную Плаксы Миртл. МакГонагалл настояла на том, чтобы сопровождать их, и когда Флитвик услышал об их путешествии, он выразил желание присоединиться к ним. Гарри подумывал спросить Хагрида, не хочет ли он пойти с ним, но когда Рон заметил, что ему будет не по себе, спускаясь по трубам, он отказался от этой идеи. Гарри остановился на несколько минут, чтобы вежливо побеседовать с Плаксой Миртл, и Гермионе пришлось прикусить губу, чтобы сохранить невозмутимое выражение лица, пока призрак флиртовал с ним.

Только Рон и Гермиона слышали, как Гарри говорил на парселтанге раньше, на втором курсе, и хотя Флер и Билл видели его в своих воспоминаниях, для МакГонагалл и Флитвика это было впервые. Все шестеро вздрогнули от прошипевшей команды раковине открыться, так как в любом случае было жутковато. Как только раковина остановилась и труба обнажилась, Флер бросила на Гарри взгляд, ясно говорящий: «Вы не можете ожидать, что я спущусь в эту отвратительную трубу!»

Гермиона перехватила взгляд Флер и сумела подавить смех, но она также сомневалась в такой перспективе. Не то чтобы она не хотела или действительно уже не следовала за Гарри в столь же тревожные места. Но МакГонагалл, хоть и сумела — в отличие от Флер — сохранить бесстрастное выражение лица, была в равной степени недовольна.

«Поскольку я ходил в школу с Томом Риддлом, я совершенно уверен, что он не спускался по этой грязной трубе всякий раз, когда хотел войти в Комнату». Флитвик, который в то время был профессором и преподавал Риддлу Чары, согласился. Некоторое расследование, проведенное Биллом и Флитвиком, вскоре обнаружило скрытый набор лестниц, и через несколько минут Билл придумал, как противостоять маскирующей защите и активировать их. Все, что осталось от Гарри, — еще одно слово на парселтанге. Вскоре они уже спускались по движущейся лестнице вдоль уже расширенной трубы, Гарри и Рон просто смотрели друг на друга и качали головами, а Гермиона закатывала глаза.

Профессора были в должном благоговении, когда они прошли двадцатифутовую змеиную кожу,

но остальные только ухмыльнулись друг другу, поскольку то, что их ожидало, было гораздо более впечатляющим. Потребовалось некоторое время, чтобы убрать обломки обрушившегося туннеля, так как среди них только Флитвик смог бы пролезть в маленькое отверстие, через которое проползли двенадцатилетний Гарри и одиннадцатилетняя Джинни. Извилистый и поворачивающийся туннель показался Гермионе в реальной жизни длиннее, чем в памяти Омута памяти, и все они снова скривились, когда Гарри зашипел в стену с двумя змеями. Стена раздвинулась, и они вошли в Зал.

Быстрый поиск ничего не дал, кроме внушительной туши василиска, хотя Билл и определил несколько многообещающих мест, где могли существовать скрытые комнаты. Флитвик сказал МакГонагалл, что Слагхорн хотел бы попробовать мертвого василиска в поисках ингредиентов для зелий. МакГонагал возразила, что ей придется придумать что-то взамен, что мастер зелий мог бы сделать для нее. Гермиона обменялась с Гарри улыбками, когда они вспомнили, как жадный профессор Зелий обменивался услугами.

После ужина они сидели в общей комнате старост и обсуждали предстоящую неделю. Поскольку на следующий день им предстоял напряженный день, они решили, что пора спать. Гарри, Рон и Гермиона отправились в гостиную Гриффиндора, а Билл и Флер исчезли в спальне старосты. Гермиона быстро обняла Рона и поцеловала Гарри на прощание, пока Рон поднимался по лестнице. Увидев приподнятую бровь Гарри, она мило ему улыбнулась.

«Я должен поцеловать тебя на ночь еще шесть раз этим вечером. Увидимся утром. Скорее, если ты будешь в порядке».

http://tl.rulate.ru/book/79867/2417564